

*Е. О. Васильчук, И. Л. Морозов, Е. А. Матвиенко*

## **РАДИКАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ: ОСОБЕННОСТИ СУБКУЛЬТУРНОГО СТИЛЯ**

В статье проанализированы особенности субкультурной идентификации радикальных политических движений, выделены тенденции и факторы, влияющие на данный процесс. Отмечено, что процесс субкультурной идентификации радикальных политических движений обусловлен их вынужденным маргинальным существованием, что побуждает их к конструированию собственных коммуникативных систем.

*Ключевые слова:* радикальные политические движения, субкультура, коммуникативная система.

*E. O. Vasilchuk, I. L. Morozov, E. A. Matvienko*

## **CONTEMPORARY RADICAL POLITICAL MOVEMENTS: PECULIARITIES OF SUBCULTURAL STYLE**

The authors analyze peculiarities of subcultural identification of radical political movements and distinguish trends and factors influencing this process. The article shows that the process of subcultural identification of radical political movements results from their involuntary marginal existence, which induces them to construct their own communication systems.

*Keywords:* radical political movements, subculture, communication system.

Деятельность современных политических радикалов, подстраиваясь под специфику бытия информационного общества в эпоху постмодерна, часто принимает весьма экстравагантные формы. Будучи по своей природе оппозиционными, политические радикалы вынуждены не только противостоять существующим политическим институтам и государственной власти, но и искать формы сопротивления сложившейся культурно-эстетической реальности, тем самым пытаясь деконструировать и подменить ценности официальной культуры в массовом сознании своими культурными продуктами.

Поиски методов сопротивления сложившейся системе общественных отношений, необходимость распространения собственных идей, расширение социальной базы, рекрутирование новых активистов, ориентация на молодежную аудиторию, — все это побуждает российских радикалов к интенсивному взаимодействию с молодежными субкультурами. Такие субкультуры изначально являются, как правило, неполитическими. Но в силу культурно-

психологических особенностей мировосприятия молодежи они потенциально склонны к насыщению собственного идейного базиса радикальными политическими идеологемами. Взаимодействие с ними актуализирует усложнение идеологии политических радикалов на знаково-символическом уровне, привносит в нее различные эстетические компоненты.

В радикальных политических и политизированных структурах идеология играет исключительно важную роль, поскольку именно она выступает основным средством внутригрупповой мобилизации и рекрутирования новых активистов. Относительно ограниченные финансовые и материально-технические возможности данных протестных объединений не могут быть существенным фактором пополнения их рядов. Следовательно, отдельные идеологемы и идеологические комплексы этих организаций должны быть достаточно привлекательными и максимально ориентированными на собственную социальную базу, к которой относятся в т. ч. и

маргинализованные слои населения, находящаяся в состоянии депривации молодежь. То есть эти слои наиболее подготовлены к восприятию идеологических продуктов радикалистской направленности.

К причинам, которые оказали существенное влияние на формирование доктринальных основ идеологических комплексов российских радикалов, можно отнести мировоззренческий кризис, идейную дезориентацию и маргинализацию флангов политического спектра. Среди привлекательных именно для молодежи аспектов идеологии российских радикалов необходимо отметить:

- демонстративную контркультурную направленность, использование табуированных общественной моралью (а в ряде случаев и законом) символики и стилистики в целом;

- бескомпромиссность в области идентификации и самоидентификации индивидов;

- агрессивные и насильственные принципы решения накопившихся проблем, что создает возможность для выхода отрицательно окрашенных эмоций и энергии активистов данных структур.

В массовом сознании политические идеологии могут приобретать вид эрзац-религий. Это объясняется тем, что в современных условиях недостаточно образованным широким социальным слоям проще усваивать идеологию как своего рода политическую религию, опирающуюся на сходную с религиозной веру, чем как комплекс интеллектуальных (или хотя бы псевдоинтеллектуальных) разработок. Усвоение идейных продуктов радикальных политических структур происходит на культурно-эстетическом уровне, что обусловлено сравнительно поверхностными познаниями в области идеологических доктрин и дополняющих их компонентов — сложных для восприятия и понимания работ по философии, политологии, музыкальных композиций, художественных произведений. С. В. Котов [1, с. 25—26], анализируя неофашистские тенденции как

политический феномен современности, отмечает, что в современной повседневной жизни радикальные политические практики, особенно праворадикального толка, сохраняются в форме контркультуры как разновидности субкультуры, в частности:

- на знаковом уровне, где хранятся и транслируются культурные коды, в которых выражены базовые ценности и нормы радикальных политических доктрин;

- на уровне социальных практик, в которых позиционируются и реализуются эти ценности;

- на уровне сообществ — носителей данной субкультурной формы.

Объективная реальность способствует появлению новых политизированных субкультур, в которых возрастные и гендерные признаки не имеют большого значения, а идейный базис формируется под воздействием идеологического влияния радикальных политизированных сообществ и неконформистских молодежных субкультур. Внимание участников данных движений концентрируется на внешних стилистических атрибутах — эксплуатации различных вариантов свастичной символики, стилизаций серпа и молота, образов известных революционеров, ярких и бескомпромиссных лозунгах и речевках, специфическом сленге, играющем роль средства коммуникации и идентификации в среде субкультур политических радикалов. В некоторых случаях также происходит формирование особых музыкальных субстилей со своей иерархией «культовых» исполнителей, приобщенность к творчеству которых служит своего рода индикатором принадлежности к данной субкультуре, позволяет отделить «своих» от «чужих».

Комплекс перечисленных компонентов содействует формированию единой субкультурной коммуникативной системы, которая предусматривает наличие каналов коммуникации (социальный уровень субкультуры) и средств коммуникации (знаки и символы, т. е. культурный

код, который включает сленг и вербальный фольклор, язык культуры и субкультуры). Рассматривая каналы коммуникации в рамках политизированных радикальных субкультурных образований, необходимо отметить важность трансляции культурных кодов с помощью языка, что и определяет специфику сообществ как коммуникативной системы группы людей, объединенных схожим мировоззрением, использующих специфические коды в идентификации и общении. Данные коды включают не только вербальные средства выражения мыслей, но и социально-знаковые и ситуативно-знаковые объекты.

Рассматривая сленг политизированных субкультурных формирований, необходимо обратить внимание на своеобразное языковое поведение, которое регламентируется определенными правилами. С. И. Кожевникова склонна считать сленг типом языка, который используется в неформальных ситуациях внутри определенного субкультурного образования в целях сделать язык группы непонятным для других и выделить представителей своей группы на фоне остального общества, тем самым выполняя функцию идентификации. «Закодированная» с помощью сленга информация становится понятной лишь определенным людям и обеспечивает им взаимопонимание [2, с. 236]. Для Н. С. Ивановой язык — одно из доминирующих средств самоутверждения представителей субкультур, создающее внешние признаки субкультурной идентичности и отображающее особенности внутреннего мира ее носителей. Креативные возможности сленга позволяют его носителям не только использовать уже существующие элементы языка, но и по желанию создавать новые, «встраивать» в национальный язык (и тем самым утверждать, «ортологизировать») элементы собственного мировоззрения и идейно-политических установок [3, с. 128].

Примером такого симбиоза выступает субкультура нацболов, для которой идейной

платформой является синтез ультрарадикальных политических доктрин правого и левого толка и творческо-эстетические ценности западноевропейской и российской контркультуры. Национал-большевизм в современном российском политическом контексте — это не идейно-политическая доктрина, имеющая собственную историю, сложную, поликомпонентную структуру и собственных идеологов, а протестное иррационалистическое мировоззрение, альтернативный образ жизни, виртуальный мир фантазий, иллюзий и химер, увлекший определенную часть современной российской молодежи.

Национал-большевистская партия (НБП), оформившаяся в 1993—1994 гг., как основной производитель, носитель и выразитель такого специфического мировоззрения представляла собой своего рода перформанс-проект (типичный для мейнстрима протестной контркультуры в духе ситуационистского интернационала), разработанный Э. Лимоновым и А. Дугиным. Формами его манифестации были яркие, феерические акции, показное нестяжательство, презрение к традиционным политикам и их методам, разнообразие ценностей и мнений, взаимная терпимость [4]. Собственно политический компонент в идеологии данного объединения длительное время был вторичен по отношению к протестности как идейной оболочке существования НБП. Программа партии была заведомо утопической, сознательно составленной с использованием приемов политического сюрреализма, что и обуславливало ее привлекательность для радикально настроенной части российской молодежи. Этот квазиполитический проект в течение относительно короткого промежутка времени стал центром притяжения андеграундных деятелей искусства и оппозиционных интеллектуалов левонационалистического толка, тем самым способствуя карнавализации и артизации его деятельности. Проводимые НБП акции на первых этапах ее существования несли культурно-

эстетическую нагрузку, оцениваясь самими организаторами этих акций не с политических, а с «художественных» позиций. Центральный печатный орган НБП — газета «Лимонка» — начала издаваться в конце 1994 г., послужив своеобразным полигоном для «обкатки» талантов и творческих идей начинающих молодых литераторов.

Можно сказать, что для целого поколения депривированной части российской молодежи соучастие в деятельности НБП стало формой субкультурной манифестации своих идей, принципов и установок, что обусловило относительно длительную «живучесть» данного феномена в политической жизни постсоветской России.

Таблица 1

**Сравнительный анализ радикалистских идеологий современной России**

<b>Индикатор сравнения</b>	<b>Идейный базис советско-российской панк-субкультуры</b>	<b>Праворадикальные идеологические доктрины</b>	<b>Право-леворадикальный идеологический синтез</b>	<b>Леворадикальные идеологические доктрины</b>
Объективное место в системе	Маргинальное положение, обусловленное специфическим отношением к существующей реальности, сознательное самоисключение из общества, попытки выйти за его пределы и создание антисистемы, включающей взгляды на вопросы общественного развития и культурные образцы, резко диссонирующие с официальными	Допустимый элемент политической системы, их носители являются признанными политическими акторами со стороны общества, что легитимизирует их политические амбиции в сфере распределения властных полномочий, являются своеобразными катализаторами и усилителями влияния патриотических доминант, транслируемых официальными властными структурами	Присутствует в обществе как продукт кризисного сознания, является характерным для маргинальных слоев, оттесненных от возможностей решения накопившихся проблем легальными путями	Допустимый элемент политической системы, их носители являются признанными политическими акторами со стороны общества, что легитимизирует их политические амбиции в сфере распределения властных полномочий, занимают нишу перманентного социального критицизма в отношении действующих властных институтов
Субъективное восприятие себя	Ощущение собственной «внесистемности», подкрепляемое элементами девиантного и эпатажного поведения, сериями демонстративных антиобщественных поступков, эскапизм, социальный пессимизм, сознательное отчуждение от большинства,	Осознание себя в качестве возможной альтернативы действующей власти	Склонность к необходимости скорейших общественных преобразований, из возможного арсенала средств и методов достижения целей выбирая наиболее эпатажные и деструктивные	Позиционирование себя в качестве единственной эффективной альтернативы действующим властным институтам, склонность к эрзац-революционным методам общественных преобразований

	индивидуализм, скептицизм и недоверие в отношении существующего общества			
Отношение к доминирующей культуре	Резкое неприятие доминирующей культуры	Ограничиваются критикой крайних проявлений поп-культуры, считая их стимуляторами разложения духовного «тела» русской нации	Ситуационная реакция открытого типа — в зависимости от обстановки на первый план выдвигаются национальные или интернациональные компоненты	Активное копирование и воспроизводство западноевропейских образцов протестной культуры с последующим созданием на их основе собственных творческих проектов, усиливающих и дополняющих их идеологические доминанты

Окончание табл. 1

Индикатор сравнения	Идейный базис советско-российской панк-субкультуры	Праворадикальные идеологические доктрины	Право-леворадикальный идеологический синтез	Леворадикальные идеологические доктрины
Методы, с помощью которых выражается отношение к доминирующей культуре	Сознательное игнорирование и абсурдизация существующих культурных образцов, создание образцов эрзац-культуры, отрицание и невозможность коммерциализации собственного творчества, стремление создать собственный альтернативный культурный социум, попытки вивисекции парадигмальных основ существующего общества с целью доказать его несовершенство и несостоятельность	Запреты на прослушивание композиций западноевропейских рок-групп членами праворадикальных движений. Они считаются формой культурной экспансии со стороны стран Западной Европы и США. Попытки создания собственных творческих коллективов, отображающих в своих продуктах основные идеологические постулаты праворадикальных движений, расширяя возможности агитации и пропаганды, тем самым содействуя расширению социальной базы движения	Интеллектуально-идеологическое противостояние в информационных системах, проведение акций прямого действия по принципу «революционного перформанса»	Проведение альтернативных культурных мероприятий, всесторонняя поддержка тех, чье творчество является политизированным и максимально отвечающим леворадикальной идеологической ортодоксии

Отношение доминирующей культуры к ним	Восприятие как маргинальных элементов, игнорирование в части, касающейся массового распространения контркультурных продуктов, их вращение в узкой среде интеллектуалов или заинтересованных лиц	Игнорирование в части, касающейся массового распространения их творческих продуктов, ограничение их распространения, как правило, членами и сочувствующими движению	Активное продвижение собственного идеологического продукта в информационную среду, прямая работа с молодежью, дискуссии, попытка достижения интеллектуального превосходства	Восприятие как маргинальных элементов, игнорирование в части, касающейся массового распространения контркультурных продуктов, их вращение в узкой среде интеллектуалов или заинтересованных лиц, в отдельных случаях противодействие проведению альтернативных культурных мероприятий
Идеальное представляемое устройство системы (с учетом места, которое они будут занимать)	Моделирование идеальных категорий свободы, освобождения, недостижимых в реальности, но существующих в сознании представителей панк-субкультуры, обуславливающих их социальную активность посредством категории «война», способствующей идентификации и разделению общества на «своих» и «чужих»	Этнический фактор является преобладающим при определении общественных преобразований, остальные факторы провозглашаются вторичными и проистекающими от этнического	Зависит от идеологической нагрузки и личных предпочтений	Классовый фактор является преобладающим при реализации общественных преобразований, доминирование на общественно и государственно значимых постах представителей движения, являющихся яркими носителями идеологии

Сравнительный анализ идеологических конструктов разной направленности (см. табл. 1) позволяет сделать ряд теоретических выводов, а также дать практические рекомендации для работы правоохранительных органов. Современные политические радикальные движения проходят сложный процесс субкультурной идентификации. Вынужденно маргинальное существование побуждает их к конструированию собственных коммуникативных систем, включающих особое мировоззрение, специфическую ментальность, идеологию и символику (язык, жесты, атрибутика), которые являются средствами трансляции субкультурной традиции и передачи информации. Социальной базой существования таких сообществ выступают

депривированные слои молодежи, что объясняется отсутствием у них серьезного жизненного опыта, желанием утвердиться в обществе, приобрести возможности для реализации своего творческого потенциала и возможностей.

В условиях бездуховности российского общества, «размывания» основных контуров российской цивилизации (религия, идеология, сакральное восприятие власти, патриархальные ценности традиционной семьи), неэффективной, на данный момент, попытки воссоздания консервативно-охранительного каркаса социума на основе доминирующей партии («вертикаль власти»), концентрирующей в своих руках основные управленческие и кадровые ресурсы и

обладающей монопольным правом корректировать ход социальных процессов, заблокировать появление и развитие политических и квазиполитических радикальных движений невозможно. Чтобы обеспечить правопорядок, необходимо учитывать данный факт.

Специфика российского кризиса со стороны маргинализованной части населения порождает запрос прежде всего на праворадикальные течения, леворадикалы остаются экзотикой, активной на уровне «салонных тусовок» и небольших уличных акций. Однако наиболее сложная ситуация возникает в случае лево-праворадикального идеологического синтеза, что как раз и наблюдается на примере национал-большевистской партии, впоследствии вошедшей в проект «Другая Россия». Несмотря на широкий комплекс оперативных мероприятий как в отдельных регионах, так и в масштабах всей страны, ликвидировать национал-большевизм как разновидность современной молодежной субкультуры правоохранительные органы не смогли. Раскол движения, формальный запрет его официальных структур, сокращение числа активных участников — все эти локальные достижения не исключили российских нацболов из активного поля деятельности несистемной оппозиции. Именно сторонники Э. Лимонова показали себя активной антисистемной силой как во время беспорядков на Манежной площади в декабре 2010 г., так и в последующих протестных акциях, например пикетировании здания российского МИД в апреле 2012 г. [5].

В плане противодействия распространению экстремистских лево-правых идеологий эффективной может оказаться прежде всего информационно-культурная политика, направленная на перехват «поля дискурса» у экстремистов в молодежной среде. Точками роста подобной антиэкстремистской информационной системы могут стать вузы России, профильные научные организации и общественные фонды.

## Список библиографических ссылок

1. Котов С. В. Неофашизм как политический феномен современности: философско-политические истоки и концептуальный генезис: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов н/Д, 2011.
2. Кожевникова С. И. Язык коммуникации в молодежной субкультуре // Пятые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры»: материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 25—26 февр. 2011 г.: в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; ред. проф. Н. Г. Апухтина. Челябинск, 2011. Ч. II. С. 234—241.
3. Иванова Н. С. Язык молодежи и его субкультурная природа // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2007. Вып. 21. С. 122—128.
4. Морозов И. Л. Политический экстремизм: особенности эволюции при переходе от индустриального общества к информационному: монография. Волгоград, 2007. 458 с.
5. Нацбол.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nazbol.ru/rubr1/9458.html> (дата обращения: 05.04.2012).

© Е. О. Васильчук, И. Л. Морозов, Е. А. Матвиенко, 2012